

Роман Зимьянин

АБСОЛЮТНЫЙ ДРЕЙФ

Северный полюс

16+

Роман Николаевич Зимьянин

Абсолютный дрейф

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48087151

SelfPub; 2019

Аннотация

Ранним утром на окраине дрейфующего полярного лагеря находят труп одного из членов экспедиции – датского кинолога Пэра Петерсона. Разыгравшаяся непогода не позволяет вылететь на место трагедии штатной следственной группе. Ее обязанности временно возлагают на внештатного сотрудника Географического общества Гари Агатина, негласно направленного в числе остальных полярников в Арктику для организации закрытого форума этой организации. По мере опроса членов экспедиции и сбора фактов гибели Петерсона, Агатин выясняет, что погибший – член королевской семьи, прибывший на Полюс с особой миссией.

Содержание

Пролог	4
ГЛАВА 1. ЛЕДОВЫЙ ЛАГЕРЬ	6
Утро без Пэра	6
Версии	13
«Зеленая Луна»	18
Клинч	23
Самоотвод	31
Без ключа	34
Взаперти	39
Дело трактористов	44
Праздник час за часом	50
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Пролог

Острые, смерзшиеся в причудливые кристаллы снежинки падали на бескрайнее ледяное поле в полной тишине: из черной небесной пустоты – на белую гигантскую льдину.

Казалось, этой беззвучной зимней идиллии никогда не будет конца. Как, вдруг, многотонное плато «взвизгнуло» и раскроилось надвое невидимой глазу трещиной.

Судя по звуку, она прошла всего в нескольких метрах от собачьей упряжки, у которой неподвижно сидел единственный созерцатель бескрайних арктических просторов: крепко сложенный мужчина привалился к нартам и всматривался сквозь легкую снежную завесу в фиолетовые проблески Полярной звезды...

Близился апрель. Перезимовавшая Арктика день ко дню все заметнее проявлялась утробным зовом заполярной весны: солнечные просветы начали «выедать» космическую темень небосвода; снега, уходившие за невидимый горизонт, уже поигрывали разноцветными переливами; и даже многолетний паковый лед, казалось, чуть ускорил роковой спуск в сторону абсолютного Юга...

На вид одинокому каюру было около пятидесяти лет. Фигура слегка располневшая, но плотно сбитая, мускулистые руки и широкое лицо, на которое густыми космами спадали

заиндевевшие волосы.

На правой кисти здоровяка отсутствовали указательный и безымянный пальцы. Оттого его конечность походила на гипертрофированную куриную лапу.

Уродство «трехпалой» руки в какой-то мере скрашивал массивный золотой перстень с крупной, зеленоватой жемчужиной, на покатых обводах которой мягко поигрывал малахитовый перламутр.

На стеклянные горошины походили и глаза одинокого путника – крепкий мороз успел выстудил их до самого дна глазниц.

Каюр был мертв.

ГЛАВА 1. ЛЕДОВЫЙ ЛАГЕРЬ

Утро без Пэра

18 марта 200... года.

08 часов 05 минут.

Дрейфующая Ледовая база.

Пошарпанная колонка походной аудиосистемы, которую с началом каждой арктической экспедиции устанавливали на камбузе Ледовой базы, нутужно похрипывала заунывной скандинавской песенкой:

*У Пэра когда-то корова была, совсем неплохая корова,
Но все же на скрипку ее он сменял, на старую добрую
скрипку...*

*Бывало, играет на скрипке скрипач – все мальчики в пляс-
ку, а девочки – в плач.*

*А то поведет он смычком и тотчас – все мальчики в хо-
хот, а девочки – в пляс...*

Первым из утренних едоков сдался Игорь Шторм – штурман одного из вертолетов Ми-8, обслуживавших экспедицию:

– Братцы, ну давайте включим что-то повеселее? И так,

мозги собрать в кучку не получается. А от этого музыкального занудства последние выжившие нейтроны в анабиоз впадают. Корнеюшка, пуповина наша всесвязующая, поймай своими «коротковолновками» хоть что-то ободряющее. Мне через час на Полюс лететь. Други мои арктические, ну, давайте начнем новый день с радостных нот?

Руки у радиста Ледовой базы Корнея Ходкевича в это утро заметно подрагивали: пили вчера много, долго, всем лагерем. Повод к разгулу, правда был, и даже сам начальник базы своим немым «добром» затянувшуюся допоздна вечерю «благословил». Но, лучше бы он проявил волю и поступил иначе – тяжкое похмелье поутру выбило из рабочего ритма большую часть экспедиции.

Меньше всего Ходкевич сейчас желал отрываться от кружки крепкого чая, в котором минуту назад заботливо растворил бутылочку любимой спиртовой настойки. Но еще больше ему не хотелось в этот предэйфорический момент спорить с занудой-вертолетчиком: знал – тот до смерти уест шуточками, но своего добьется.

Радист встал, прошел к музыкальному центру, погонял стрелку по шкале аудиосистемы и, поймав ритмичную латинскую мелодию, вернулся к столу. Коротко выдохнув, он, наконец, сделал несколько глотков «жизнетворного» эликсира, а затем с важным видом раскрыл служебный блокнот и начал читать:

«Приветствуем Ледовую базу! Добрались без происше-

ствий. Лагерь разбили в 2 милях северо-западнее географической точки Северного полюса. До базы 4,5 – 5 миль. Площадка для приема вертолета будет готова к 09:30. Ольгерд. Родион».

Двумя днями ранее в обязанности Корнея Ходкевича добавилось оглашение телеграмм, которые к завтраку и ужину радировались в основную базу из Мобильного лагеря.

– Филиппову доложил? – уточнил у радиста начальник Ледового лагеря Александр Федорчук.

– Не понадобилось... Он к началу сеанса сам в рубку пришел. Вместе с Николаем Ивановичем и принимали Родькину «телегу», – вспомнив своего младшего коллегу, Корней невольно улыбнулся и прихлебнул из кружки очередную порцию утренней «микстуры».

Авторитет Федорчука среди полярников был непререкаем. Это была 11 навигация Александра Кузьмича. Причем, в последних семи из них он исполнял обязанности руководителя экспедиции.

Александр Кузьмич фанатично, всей душой любил Арктику. Здесь полностью раскрылся его талант управленца и хозяйственника. Будто не замечая суровых условий полярной зимы и объективной ограниченности запасов, он с максимальным комфортом и уютом мог устроить быт своих подчиненных и, если требовалось, гостей базы. Вдобавок, Федорчук был еще и настоящим знатоком Арктики: мог в одиночку или во главе только что сформированной коман-

ды уверенно идти по арктическому маршруту. Был случай, когда Федорчуку пришлось эвакуировать группу иностранных туристов, которые заплутали в поле мощнейших торосов. Ведомые русским полярником путешественники прошли больше 15 километров ледяного бездорожья прошли меньше, чем за сутки. Без травм и обморожений они вышли точнёхонько к тому самому разводью, где дожидалась группу аварийная партия поисково-спасательного корабля...

Регулярные экспедиции на Северный полюс заметно сказались на внешности Александра Кузьмича: его лицо густо изъели мелкие морщины и шрамы; кожа рук от постоянного холода одеревенела; бывшая, еще угадывающаяся в высокой фигуре стать просела под тяжестью изнурительных походов и дрейфов.

Начальственный образ арктического ветерана выгодно дополняла жесткая, с плотной проседью борода. Стриг ее Александр Кузьмич только сам: большими ножницами «в три щелчка» – снизу и по бокам. А когда возвращался на большую землю, только укорачивал, а не сбрасывал щетину, как это делали многие его сотоварищи.

– ... Тащиться всю ночь через ледяные торосы, из-за которых в любой момент может рыкнуть белый медведь – это, товарищи, еще та забава, – дебют вялого утреннего диалога продолжал развивать Игорь. – Мы как-то с Иосифом Шаловичем аварийно сели в якутской тундре. Хрюснулись так, что сдвижную дверь в кабине вырвало. А на улице – мороз

под 40! Думал, все: либо отморожу гонады, либо медведи сожрут. Слава Богу, сумели мы эту дверку назад приторочить, а на ночь я ее еще и бревнышком снаружи прижали. И, как оказалось, не зря: под самое утро просыпаюсь от непонятного скрежета; всмотрелся в щелочку – а это росомаха пытается отвалить опорку от нашей раскуроченной двери...

– Привет, полярники! Как настроение? – байку вертолетчика прервал вошедший на камбуз руководитель научной экспедиции Николай Филиппов. – О, братцы, как я погляжу, гуляли вы вчера с размахом...

В отличие от большинства членов экспедиции, допоздна праздновавших пересечение магического для каждого полярника 90-го градуса северной широты, Николай Иванович почти всю ночь бодрствовал. Пока «пьяную» базу, гонимую течениями и ветрами, сносило в сторону Материка, передовая группа Мобильного лагеря шла против ледового дрейфа к Полюсу. К этому финальному ночному переходу был жестко привязан график всей исследовательской программы. И Филиппову, который отвечал за научную составляющую арктической экспедиции, было не до праздных застолий. Всеми мыслями в прошедшую ночь он был со своими ребятами – Ольгердом Буткусом и Родионом Пожарским. Лишь только утром, лично услышав доклад о благополучно завершившемся переходе, он смог успокоиться.

– Вот, братцы, какое дело провернули мои хлопцы! За ночь отмахали по ледяному «эскалатору» больше трех

мил! – гордо рапортовал Филиппов, присоединяясь к коллективному завтраку. – Теперь перебросим к ним остатки оборудования и можно считать, что наша научная миссия стартовала.

В эти минуты Николай Иванович Филиппов был по-настоящему счастлив. Счастлив и безмерно благодарен карельскому собаководчику Ольгерду Буткусу, который предусмотрительно предложил на двое суток раньше намеченного срока начать форсированную переброску Мобильного научно-исследовательского лагеря к Северному полюсу.

– ... Ну, ребята, вы поправляйте свое здоровье, а нам с Кривоносом пора в дорогу – навстречу великим открытиям, – Филиппов отхлебнул из большой чашки горячего кофе, озорно посмотрел на товарищей и кивнул молодому ученому, с которым должен был через полчаса улетать на Полюс.

– Эй, гидробиолог? Просыпаемся. Я, говорю, хватит расслаживаться... А вы, друзья, если что не так, зла не держите. Как соскучитесь – милости просим в гости. Координаты будем стараться выдерживать постоянные: 90° северной широты. Одним словом, если кто не на праздновался, можем повторить штурм Северного полюса в любой момент, – пошутил Филиппов.

Полярники поднялись из-за стола и начали было прощаться с Филипповым и Кривоносом. Внезапно, будто порывом сильного вихря, что-то рвануло с улицы пластиковую дверь камбуза:

– Имагис (братва – греч.)! Беда! Пэр – замерз!!!

Версии

Александр Федорчук громко опустил тяжелую ладонь на обеденный стол, куда чуть больше получаса назад под крик тракториста Алексиса Фасулаки пролились остатки утреннего кофе из кружки Филиппова.

– Будто крышка гроба упала, – хмыкнул врач экспедиции Александр Деев.

– Шура, уймись – и без тебя тошно, – резко осадил шутника Филиппов.

– Итак, товарищи «отдыхающие», думаю всем ясно зачем вас здесь собрал? – Федорчук сурово обвел взглядом камбуз, куда вызвал всех без исключения членов экспедиции. – Сегодня ночью погиб наш друг – Пэр Петерсон. Если опустить детали и перейти к главному, то хочу сказать следующее: это происшествие... виноват, эта трагедия ставит под вопрос будущее всей весенней навигации.

– Шутка ли: погиб директор собачьего питомника!!! – в тон медику съязвил Ходкевич. – Арктика и не таких героев к себе прибирала...

– Да, хватит же!!! – сорвался на крик Федорчук. – Для тех, кто до сих пор пребывает в плену Бахуса, разъясняю: погиб человек, наш коллега, иностранный гражданин. Я уже вижу заголовки западных газет: «Датский кинолог замучен

русскими полярниками!». Последствия этой трагедии могут быть самыми серьезными! Повторяю, смерть Петерсона грозит свертыванием экспедиции! Ну, а нам с Николаем Ивановичем – тут Александр Кузьмич сбавил тон, – снятие с должности. А могут и посадить...

– Кузьмич, не сгущай краски! Действительно – мало ли людей в Арктике замерзает? – начал успокаивать начальника Кривонос. – Украл, выпил – в сугроб!!!

– Спасибо, дорогой мой ученый товарищ, за рабочую версию для следователя. Но даже если все так и случилось, степень нашей коллективной вины от этого не снижается, – руководитель умышленно сделал акцент на слове «коллективной». – Ведь если бы хоть кто-то из нас вовремя кинулся искать датчанина, если б не эта повальная пьянка, жив бы человек остался... – Федорчук с досадой потер короткостриженую макушку головы широкой ладонью.

– Может закопать этого скандинавского друга поглубже в сугроб? Мол, пропал без вести? – предложил еще один вариант «спасения» уже успевший осоловеть от двух кружек утреннего «чая» Ходкевич.

– Или мишкам белым подбросить? – поддержал вчерашнего собутыльника штурман вертолета.

– Господи!!! Нет, ребята, вы реально не понимаете, что встреча с дядей прокурором обеспечена не только мне, но и каждому из вас....

– И как нам быть? – наивно, будто бы это касалось ка-

кой-то обыденной проблемы поинтересовался грек Фасулаки.

– Не знаю! Не знаю, Алекс... В общем так... я с Николаем Ивановичем и Корнеем пошел в рубку: доложим о случившемся в Москву. А вы, алконавты полярные, сидите здесь и ждите дальнейших распоряжений, – приказал начальник Ледовой базы и вышел из камбуза.

Обратно Федорчук и Филиппов вернулись по прошествии получаса. Оба бледные, напряженные. Глядя на них, шутить уже не хотелось. Да, и Федорчук в этот раз повел разговор без иронических пассажей, то и дело сверяясь с записями в своем блокноте:

– Прошу внимания... Первое. Завтра, максимум – послезавтра – к нам экстренно вылетает Ан-74 за телом Петерсона. Это – требование датского консула. Деев, приказываю провести тщательный осмотр усопшего и все необходимые для его транспортировки медицинские процедуры. Шторм – собрать личные вещи Пэра... Второе. Этим же рейсом к нам вылетает бригада следователей из Генеральной прокуратуры. Ты, Галина Васильевна, уберись, пожалуйста в палатке покойного – разместим в ней москвичей. А что делать, товарищи? Это у нас единственное обособленное помещение и, так сказать, самое комфортное, – намек на клозет, которым была оборудована личная палатка датчанина, чуть разрядил обстановку. Из дальних уголков камбуза снова слышались смешки. – Третье. До прибытия следственной группы прика-

зано опросить под роспись всех членов лагеря. Нам доверья теперь нет. Потому сия почетная миссия поручена нашему гостю... эээ..., – Федорчук вновь перевел взгляд на записи в блокноте, – нашему уважаемому гостю – Генриху Романовичу Агатиному. Прошу, как говориться, любить и жаловать.

– И за какие-такие заслуги Гарика на роль «Малюты» определили? – не к месту помянул историческое имя жестокого разоблачителя тракторист Герман Канев.

Не дожидаясь новой подколки, средних лет мужчина поднялся из-за стола и вышел на середину камбуза:

– Я представляю Службу безопасности, которая обеспечивает прилет официальной делегации Географического общества. До последнего времени эта информации была закрытой, поэтому настоящая цель моей миссии в этой экспедиции не разглашалась. Но теперь, как я понимаю, необходимость в этом отпала...

– Час от часу не легче, – не сдержался Филиппов. – Как чувствовал, что без этого... «шефства» и в этот раз не обойдется!

– Не волнуйтесь, Николай Иванович. Пока будет идти следствие, сюда ни одна наша «шишка» не сунется. Ты уж поверь моему опыту, – успокоил коллегу Федорчук. – ... И, наконец, последнее – общее руководство лагерем теперь также переходит к Генриху Романовичу... э... Агатиному. Прошу все его распоряжения, исполнять ответственно и, так сказать, со всей серьезностью момента... С чего начнем, Ген-

рих Романович? – непривычно вежливо обратился к Агати-ну Федорчук.

Мужчина вновь поднялся из-за стола и обратился к по-лярникам:

– Для начала прошу не называть меня Генрихом Романо-вичем. Эта показная официальность излишня и только будет вредить делу. Я – все тот же Гарри Агатин. А работу пред-лагаю начать с восстановления событий вчерашнего вечера.

«Зеленая Луна»

Механик Алексис Фасулаки обнаружил тело директора датского собачьего питомника Пэра Петерсона перед подъемом, когда, проснувшись, привычно побежал справить раннюю нужду к ближайшему торосу. Небольшая палатка, в которой он жил вдвоем с напарником Германом Каневым, находилась на отшибе Ледовой базы, так сказать, в некомфортной удаленности от общего туалета. Потому «по-маленькому» трактористы бегали в соседствующий с их пластиковым бунгало сугроб.

Завершая приятный утренний моцион и дежурно вглядываясь в силуэт любимого ДТ-75, на котором его коллега за пару дней до этого угодил в глубокую ледяную расщелину, Алексис углядел одинокую упряжку ...

Решил подойти ближе. Так и есть: нарты, а рядом с ними будто бы человек сидит. Дальше сам идти побоялся. Вернулся в палатку, растолкал Германа. Вместе с ним они потом и откопал из-под снега Петерсона.

А еще через 15 минут – после того, как перепуганный грек ворвался на камбуз – к заиндеветшей «дэтэшке» сбежался чуть ли не весь лагерь.

... Смерть Пэра Петерсона подействовала на членов экспедиции угнетающе. Многие из них приехали на зимовку не

в первый раз. Всякое случалось: и белые медведи наведывались в лагерь; и в торосах новички плутали; и горели, и в полыньи проваливались... Но, чтобы так глупо пропал опытный полярник, не доехав по пьянке до лагеря каких-то ста метров!

Особенно тяготило понимание того, что датчанин погиб именно в то время, когда вся Ледовая база придавался веселью. Собственно, на это моральное «прозрение» и рассчитывал Генрих Агатин, пытаясь по свежим следам собрать покаянные свидетельства и восстановить события вчерашних вечера и ночи.

К сожалению, по существу полярники говорили мало, а совсем скоро разговор и вовсе скатился к обычной болтовне.

– Говорил я ему: сними ты это кольцо. А он свое талдычит: «Этот «ринг» дает мне силу!». Культю свою трехпалую подымет кверху и скалится, как дурак... И что? Сильно помогло ему это пижонство, – вдруг не к месту вспомнил штурман вертолета о не самой хорошей черте характера погибшего.

Дорогое драгоценное кольцо датчанина мозолило глаза полярникам с первого дня экспедиции. Сказать точнее, выставлял его Пэр на всеобщий показ при первом же удобном случае.

По рассказам самого Петерсона, зеленую жемчужину, венчавшую его массивную золотую печатку, он выменял на свой лучший карабин во время недавней экспедиции на Но-

вую Землю. Тамошний шаман называл камень «зеленой Лунной» и говорил, что тот питается силой Полярной Звезды. А если на камень падают отблики северного сияния, заверял колдун, «лунная жемчужина» начинает питать своего хозяина магической силой.

Перед самым вылетом на Северный полюс, Пэр попросил знакомого датского ювелира сделать для жемчужины богатое окаймление. Мастер разместил крупную «горошину» на самой большой заготовке кольца и украсил его по кругу мелкими бриллиантами. Получилось что-то похожее на перстень средневекового богача: архаично, но главное, как и просил заказчик, – помпезно и броско.

Легенду северного шамана о своем артефакте Петерсон рассказывал каждому встречному. Все только посмеивались в ответ, и говорили, что такие стекляшки ушлые шаманы всучивают каждому ротозею, который ступает на их родовую землю.

Шутки враз прекратились, когда в роли очередного слушателя легенды о «зеленой жемчужине» оказался командир Ми-8 Иосиф Чавадзе. Его прадед, дед, а потом и отец владели в Тбилиси небольшой ювелирной мастерской. В детстве будущему вертолетчику часто приходилось слышать поверья о всяких редких камнях. В том числе, и о зеленом жемчуге из Заполярья. И вот, выслушав датчанина, Чавадзе внимательно осмотрел кольцо и заверил всех, что жемчуг натуральный и на самом деле имеет немалую ювелирную ценность. Более

того, Иосиф Шалвович дополнил шаманскую историю своими подробностями

По его словам, новгородцы называли такие жемчужины «зелеными нетленницами» и добывали их в акваториях Онежского озера и Белого моря еще в XV веке. Северные старожилы поговаривали, что жемчуг сам выбирал себе хозяев и мог как осчастливить их, так и навлечь большую беду.

И вот теперь получалось, что древняя легенда подтвердилась в наихудшем варианте: через три дня по прибытии на Северный полюс заморский хозяин «зеленой нетленницы» умер.

... «Ведовская» причина смерти Петерсона, на которую намекал напарник Иосифа Чавадзе, пополнила копилку других «народных» версии гибели датчанина: сбился с пути; уснул, перебрав свою норму; не выдержало сердце от встречи с белым медведем....

Ни одна из них, конечно, за истинную, Агатиным принята не была. Да, и собственно не этого добивался он сейчас. Для начала, ясности требовал один ключевой момент – почему не то что с вечера, до самого завтрака никто из полярников не начал искать Петерсона?

Этим конкретным вопросом оперуполномоченный подвел итоги первой коллективной встречи. Ответом на него стало общее молчание. Гробовое, говорят в таких случаях.

Два часа, последующие после общего собрания, Генрих провел в очных беседах с трактористами Алексисом Фасула-

ки и Германом Каневым, радистом Корнеем Ходкевичем, заведующей пищеблоком Галиной Семутенко, врачом экспедиции Александром Деевым, японским геофизиком Мамору Игараси, членами экипажей обоих вертолетов, биологом, начальником Ледового лагеря и руководителем научно-исследовательской экспедиции Александром Федорчуком и Николаем Филипповым.

Скрупулезно законспектировав показания 15 человек, Агатин понял, что начинает терять ясность мысли. Потому разговор с еще одной, спортивной, группой – парашютистками и глубоководниками – решил перенести на послеобеденное время. Тем более, что фактуры для осмысления общей картины случившегося уже и без того набралось достаточно.

Клинч

Субъективных свидетельств теперь действительно хватало. А вот с объективными данными у сыщика-назначенца был явный недобор. Этому направлению Агатин решил посвятить остаток дополуденного времени.

Визуальный «аудит» Генрих решил начать, как того и требовала следственная практика, с осмотра места трагедии. Соблюдая чистоту следственного эксперимента, он попросил начальника лагеря вернуть к трактору сани и собачью упряжку покойного Пэра Петерсона. Еще утром он заметил, что нарты датчанина находились неестественно близко к задней навесной системе ДТ-75.

Если верить Фасулаки, то центральный потяг упряжки был как-бы привязан к трактору. Затянут умышленно или длинные шлеи оснастки саней случайно заплелись за многочисленные выступы навесного устройство бульдозера?

Агатин впрягся в нарты и попробовал «невзначай» зацепиться за крюки навесной системы. С третьего раза один из потягов вошел под нижнюю, утопленную в снег тягу и заклинился между звеньями блокировочной цепи.

Вот она цена человеческой жизни! Один с перепоя засадил трактор в ледяную расщелину; другой по пьянке не смог разминуться с единственным на тысячи километров вокруг

препятствием.

В тяжелых раздумьях Генрих несколько раз обошел трактор. Перечень находок, как он и ожидал, оказался невелик: забившееся под траки клоки собачьей шерсти; несколько вмерзших в наст гранул сухого собачьего корма; кусочки термостойкой изоленды; промасленная ветошь; жестяные банки из-под пива; канистра с остатками дизтоплива; и всякий другой мусор, прибитый ветром к бульдозеру за дни его недолгого простоя в ледяной западне...

Покрутившись вокруг трактора, Агатин решил обойти по периметру всю базу: может действительно найдутся следы белого медведя?

Продвигаясь по границе лагеря, молодой сыщик приблизился к месту отдыха собак Петерсона. Со стороны псарни слышались подвывания и скулеж.

«Что же вы, милые, ночью молчали? – мысленно пожурил ездовых Агатин. – Если б вы так были, когда ваш хозяин под гусеницами бульдозера замерзал, то уж точно кто-нибудь из нас пьянчужек кинулся искать своего собутыльника...».

Импровизированная псаря представляла собой «П»–образную выгородку из брезента, натянутого на невысокие телескопические вешки. Она располагалась на северной границе Ледовой базы, недалеко от палатки трактористов. Раньше здесь находились еще и две упряжки карельского зверовода Ольгерда Буткуса. В отличие от своего датского коллеги, не чаявшего души в гренландсхундах (гренландская со-

бака – прим. авт.), обрусевший литовец отдавал предпочтение породам ездовых, родиной которой считался Русский север. В разных пропорциях обе его упряжки были укомплектованы чукотскими и таймырскими ездовыми, самоедскими собаками и сибирскими хаски.

Двумя днями раньше «русская команда» оставила обжитый вольер и начала труднейший челночный поход к Северному полюсу. И, по правде говоря, скорее этих четвероногих «хлопцев», а не двуногих каюров, как считал Николай Филиппов, правильнее было бы назвать героями минувших ночей, ознаменовавших досрочный старт научного этапа экспедиции.

После отъезда «русских», «гренландцы» стали полновластными хозяевами всей псарни. И, если поначалу высвободившиеся квадратные метры радовали их, то сейчас окружающая пустота, наоборот, угнетала.

Несмотря на голодную ночь, которую пэровским собакам пришлось провести у бульдозера, они так и не притронулись к утреннему корму. Сгрудившись, они одной кучей лежали вокруг своего вожака Вольфа. Сам лидер стаи, густо припорошенный снегом, вообще не подавал признаков жизни. Гарри даже сперва испугался, что тот в тоске по хозяину издох. Но стоило мужчине подойти к брезентовой изгороди поближе, огромный пес сразу наострил уши и громко рыкнул.

– Ну, ну ... – попытался успокоить собак Агатин. – Тихо, ребятки. Скоро для вас эта кутерьма закончится: прилетит

самолет и заберет в родную Данию...

Машинально Генрих нащупал в кармане остатки шоколада и решил угостить осиротевших гренландсхундов. Но как только он попытался вынуть лакомство, Вольф рванул в его сторону. Если бы не стальная цепь, крепко пригвожденная костылем ко льду, незванный собачий «психолог» остался без лица: мощные, клыкастые челюсти с лязгом сомкнулись в считанных сантиметрах от головы Гарри.

В жилой лагерь Агатин домчал в три прыжка. Не помня себя от страха, он набегу влетел в первую попавшуюся палатку.

– Ты чего, сыщик? Аккуратнее!!! Я ж тут не вареники стряпаю: у меня покойник на столе, – экспедиционный врач Александр Деев только что закончил вскрытие тела Петерсона и сейчас сидел в уголке медпункта, аккуратно внося медицинские формулировки в патологоанатомический эпикриз.

– Извини, док... Хотел, понимаешь, дело доброе сделать – собак Петерсона шоколадом подбодрить. Так Вольф меня чуть не скальпировал...

– От этой стаи, Гарик, надо держаться подальше. У них ведь жесточайший стресс. Слышишь, как они завывают? Будто давит их что-то сверху... То-то. Даже мы сейчас понять не можем, почему Пэр вдруг взял и умер. А они с этой загадкой будут жить до самого последнего дня, – заключил медик и замурлыкал сквозь зажатый в зубах мундштук какую-то мелодию: была у него такая привычка, напевать ста-

рые шлягеры в самые неподходящие моменты.

Агатин внимательно взгляделся в Деева – железной воли человек. Столько событий вокруг, а он спокоен как ледяной торос. Покуривает, попевает песенки, роется во внутренностях товарища, с которым еще несколько часов назад вместе выпивал и закусывал.

Гарри перевел взгляд на хирургические инструменты и вдруг представил, как фельдшер вскрывал желудок Петерсона и манипулировал с остатками недопереваренной еды. Бр-р-ры...

Из тошнотворного транса Генриха вывел голос Деева:

– ...Слышишь, что говорю? Надо будет Александру Кузьмичу сказать, чтобы предупредил всех членов экспедиции. А то, не ровен час, еще какой сердобольный решит собачек подбодрить...

– Согласен, общее оповещение будет не лишним... – Гарри отвел взгляд от хирургического арсенала и окончательно вернулся к действительности.

– Ладно, Шура, что по твоей «кафедре»?

– Ну, без полноценного патологоанатомического исследования, к моим первым выводам добавить особо нечего. Причина смерти – гипотермия. Я бы даже сказал, подострая гипотермия. Время смерти, судя по окоченелости трупа и степени переваренности пищи, – в промежутке от 23.00 до часа-двух ночи... Скорее всего, быстрому замерзанию способствовал алкоголь. Пэр же еще с самого утра пить начал. По-

том в столовой со всеми несколько рюмок добавил и, наверняка, «закурганную» с Буткусом пили, после того, как он им запасной потяг привез, – размышлял, констатируя факты, Деев, а Агатин делал пометки в блокноте.

– Раны, синяки, ушибы есть?

– Нет – покровы тела чистые, без гематом.

– А следы борьбы?

– Да нет. Лицо, конечно, сильно обморожено. Но, губы и нос целы, да и на шее никаких следов, если ты намекаешь на то, что кто-то мог подкараулить Петерсона и попробовать его придушить...

– Что-то странное заметил?

– Даже не знаю... Кроме лица сильно обморожен затылок. Чаще бывает наоборот – первыми остывают конечности, открытые кожные покровы. Но в нашем случае все иначе. Возможно потому, что погибший долгое время находился без шапки. Может жарко ему стало? Снял свой песцовый треух, да и потерял его по дороге. Капюшон при таком морозе и ветре – хреновый помощник...

«Обязательно пройти сегодня по всему ночному маршруту Петерсона», – жирно вывел в блокноте новую задачу сыщик.

– ... Вот, пожалуй, и все, Гарик. Больше можно будет сказать после проведения дополнительных, более глубоких исследований и экспертиз. Но этим займутся уже датские эскулапы. В любом случае, дальше «работать» с телом Пэра

без присутствия датского консула не имею права. Нам и без этого на орехи достанется.

– Это все?

– По моей части все.

– А не по твоей?

– Есть еще две вещи, о которых ты, Гарик должен знать. Во внутреннем кармане куртки Пэра я нашел его личный «Иридиум». Точно сказать не могу, но судя по всему в последний момент он пришел в себя, перевел телефон в «чрезвычайный режим» и пытался подать сигнал бедствия, – поделился первой немедицинской новостью Деев.

– Ну, это мы сможем быстро установить. Я сейчас же попрошу Александра Кузьмича организовать запрос в адрес Экстренной службы. Если Пэр успел это сделать, мы будем более ясно понимать фактическое время его смерти, – ободрился Гарри. – Что еще, Саша?

– ... Кто-то снял с руки датчанина его «магический» перстень...

– Не понял... Как снял? Когда? С трупа?!

– Да.

– Слушай, док, я еще у трактора заметил, что Пэр без кольца. Но как-то не придавал сразу этому значения. Да может быть он просто по дороге его потерял? Соскочил перстень с окоченевшей руки и все?

– Это – вряд ли. Смотри, как фаланги вывихнуты... Кольцо крепко сидело на среднем пальце. И чтобы его снять – а

сделать это судя по всему надо было быстро – наш мародер не церемонился, рвал со всей силой. Аж хрустело все...

Из утреннего радиоэфира глобальной спутниковой сети связи (режим широко вещания, кодировано):

«Географу.

Лектор замолчал.

Борей».

Самоотвод

Из палатки экспедиционного врача озадаченный Генрих направился в штаб Ледовой базы. Стараясь не привлекать общего внимания, он попросил «разжалованного» Федорчука о личном разговоре. Мужчины вышли на улицу и направились в сторону запорошенной взлетно-посадочной полосы.

Отойдя от лагеря, Гарри, наконец, обратился к старшему товарищу:

– Александр Кузьмич, я бы хотел с вами поговорить откровенно.

– Валяй ...

– Мы с вами прекрасно понимаем, что роль начальника такого большого и сложного хозяйства не по мне. То, что кто-то в Москве решил замкнуть на меня жизнедеятельность всей экспедиции, не больше, чем «дежурное» решение. Вы же знаете, как это бывает: надо доложить о предпринятых действиях, и ушлый чиновник первым делом отстраняет от обязанностей «провинившихся» и назначает новых командиров...

– Тут ты прав, Гарри. «Стрелочников» у нас быстро находят...

– В этой связи у меня к вам первая просьба: пусть все

остается так, как было. Хорошо? Вы же понимаете, что я не справлюсь со всем этим. У нас и без того с дисциплиной проблемы, а под моим «чутким руководством», боюсь, в лагере полная анархия воцарится. Нам же сейчас надо, наоборот, все процессы отстроить как часы.

– Это – точно. Если где еще какой прокол случится, спишут нас на берег до конца жизни, – снова согласился Федорчук.

– Вот и хорошо. Пусть лагерь по-прежнему остается на вас, а я все силы сосредоточу на своей основной задаче. Кроме этого, Александр Кузьмич, я прошу вас стать моим помощников в расследовании гибели Пэра Петерсона.

– Ну, тут я вряд ли помогу. Какой из меня доктор Ватсон?

– Александр Кузьмич, я вполне серьезно говорю.... Открылись новые обстоятельства и без вашей помощи мне просто не обойтись...

– Накопал уже чего? – тут же встревожился Федорчук.

– Не я – Деев.

– Этот разгильдяй?!

– Кто-то снял с трупа Пэра перстень с «зеленой нетленницей» ...

– Точно?!!

– Абсолютно.

– Ну, все! Теперь нас точно свернут! Угробили иностранца, да еще и ограбили! – Федорчук хлопнул себя по бедру и крепко выругался.

– Если найдем кольцо сами, я обещаю этот факт от следствия скрыть, – попытался успокоить начлага Агатин.

– Найдем? Как ты себе это представляешь?

– Для начала призовем народ к совести?

– Ага, держи карман шире: сейчас на блюдечке тебе все и поднесут....

– И все же, Александр Кузьмич, прошу вас снова собрать в столовой всех без исключения членов лагеря. Не признаются, будем обыскивать каждую палатку...

– Вот это уже ближе к реальности. Так мы этого охладомна быстрее вычислим. Если, конечно, он все в сугроб не зарыл...

– Да, и еще: прошу вас связаться с Экстренной службой и уточнить не получали ли они сегодня ночью сигнал «SOS» с «Иридиума» Пэтерсона.

Федорчук впервые за все время разговора серьезно посмотрел на Агатина:

– Сделаем, «мистер Холмс» ...

Без ключа

С ролью «Ватсона» Федорчук справлялся отлично. Уже через 15 минут после возвращения в лагерь, все полярники были собраны в столовой на «внеплановый обед». Даже Филиппов и Кривонос, под которых начали готовить вертолет, не смогли отказаться от категорического «приглашения» Кузьмича.

С «призывом к совести» решили не торопиться и обождать до конца приема пищи. Федорчук и Агатин договорились сначала покормить полярников, а уж потом начинать разговор по душам. Но, как только, их товарищи расселись за столами, tandem руководителей понял, что ошибся: хоть какое-то желание есть у собравшихся явно отсутствовало. Все ясно понимали, что очередной «большой сбор» организован не из сердобольной заботы об их желудках.

Обождая еще какое-то время, Федорчук взял походный журнал и начал переключку. Убедившись, что все члены базы на месте, он посмотрел на часы, что-то шепнул Агатиному уху и быстро вышел из столовой.

Такое действо еще больше закрепило полярников. В палатке воцарилась абсолютная тишина. Десятка встревоженных глаз буквально поедали Гарри, пока тот, умышленно выдержав продолжительную паузу, наконец не вышел на

центр столовой.

— Товарищи, извините за этот внеплановый обед, точнее — за это собрание... Открывшиеся следствию обстоятельства, не позволяют мне медлить, — сыщик намеренно подбирал казенные словечки, чтобы придать ситуации максимальной серьезности. — Так вот.... Результаты обследования места преступления и осмотра тела Пэра Петерсона, а также ряд моих умозаключений, о которых я пока умолчу, привели меня к выводу, что помимо гибели нашего коллеги, мы имеем дело еще и с мародерством.

По камбузу прокатился гул возмущения. В адрес Агатина полетели оскорбления и обвинения, мягко говоря, в некомпетентности. Кто-то из дальнего угла даже бросил под ноги Генриху пустую кружку. И неизвестно, что бы еще произошло дальше, если бы в этот напряженный момент в столовую не вернулся Федорчук. Он с хрустом прикрыл за собой промерзшую насквозь дверь, строго обвел взглядом бастовавших подчиненных и подал Агатину знак рукой, в которой держал сложенный вдвое лист бумаги.

Гарри, к которому мановением руки Федорчука вернулась роль трибуна, продолжил:

— Та вот, значит... Как я уже сказал, помимо гибели нашего коллеги мы имеем дело еще и с мародерством. У меня есть все основания полагать, что с руки погибшего Петерсона кто-то из членов экспедиции снял перстень с «зеленой нетленницей». Более того, я не исключаю, что кольцо мог-

ло стать причиной ... умышленного убийства Пэра Петерсона...

– Да вы что, ребята?! Это же всю нашу команду под корень... Дело всей нашей жизни..., – все последствия озвученных обвинений первым осознал Николай Филиппов. – Кузьмич!? Что он несет? Хотя ты уйми этого «Пинкертон» ... – ученый крепко прижал ладонь к левой груди и медленно откинулся на спинку стула.

– Галина, дай Николаю Ивановичу таблетку нитроглицерина. Сейчас нам всем еще веселей станет, – на центр камбуза прошел Федорчук. – Дала? Ну, так слушайте, что мне сейчас Москва радировала: «в срочном порядке...» так, не это... Ага: «... провести осмотр личных вещей Пера Петерсона. В походной сумке должны находиться инкрустированный драгоценными камнями кинжал, представляющий историческую ценность. На шейной цепочке – ключ от спецконтейнера. Раритетное оружие и ключ изъять. Хранить в сейфе до прибытия датского консула и следователя. Контейнер взять под охрану, организовав рядом с ним постоянный пост охраны».

– Что вы хотите этим сказать, Александр Кузьмич? – растерянно поинтересовался Филиппов.

– Я хочу напомнить, что у трактора Петерсон лежал, как вы все помните, без своего рюкзака. В палатке ранца тоже никто не находил. Правда, Галина Васильевна?

– Да... никаких сумок и рюкзаков я в его «хатке» не ви-

дела... – растеряно побожилась повариха, прибиравшая палатку датчанина к ожидающемуся прилету столичных следователей.

– На теле ключа тоже не было. Я правильно говорю, Деев?

– Совершенно верно: ни кольца, ни ключа, – подтвердил врач.

– Ну, вот, товарищи... Я вас еще раз категорически поздравляю с новым, так сказать, «счастьем»: кроме гибели иностранного гражданина, и кражи его личных вещей, мы имеем вдобавок похищение ценного исторического артефакта и ключа от загадочного спецкойненера. Что в нем, я лично не знаю. Но храниться, судя по тону телеграммы, в нем что-то очень ценное, – огорошил всех Федорчук.

– Все. Это – конец... – Филиппов обреченно опустил голову на стол и с силой обхватил ее крепкими руками.

– И еще чуть-чуть красок в палитру нашей арктической трагедии. Как оказалось, наш Пэр Петерсон рыцарь какого-то древнего ордена и чуть ли не родственник самой датской королевы. Понимаете, какой оборот получает наш «несчастный случай»? Улавливаете градус настроения? – вопросительно подытожил свой спич Федорчук.

– Катастрофа... – Филиппов, бледный как парафиновая свеча, медленно выпрямился и отрешенно обвел взглядом полярников. – Хана всему...

– Стоп! Стоп! – взял вновь слово Агатин. – Без паники! Еще не все потеряно...

На сыщика посмотрели, как на полоумного.

– Я призываю виновника или виновников этих краж сдать все незаконно присвоенные вещи и спасти честь экспедиции. Даю слово, это «происшествие» останется между нами. Никаких объяснительных, протоколов и тому подобного...

– Клянусь, просто спишу на «берег» и все, – обнадеженно обратился к собравшимся Николай Филиппов.

– Обещаю: я тоже никаких репрессивных действий принимать не буду, – дал свои гарантии Федорчук.

Ответом на призывы к совести стала очередная безмолвная пауза.

А потом встал Герман Канев и сказал:

– Кольцо и ножик у меня ...

– Ах, ты сука! – выругался радист...

– ...Не сдержался я, братцы, простите... Деду хотел памятник справить..., – тракторист умоляюще обвел взглядом столовую и разрыдался.

Взаперти

После признания Германа в столовой едва не случилась драка. Радист бросился к трактористу, чтобы набить морду. Женская половина, ведомая поварихой Галиной, туту же вступились за мародера-неудачника и пыталась оправдать его «минутную» слабость бедным сиротливым детством, прошедшим под опекой единственного пожилого родственника.

Агатин, Филиппов и Федорчук вмешиваться не стали. Они отошли к дверям камбуза, обменялись короткими фразами, и пришли к выводу, что еще какое-то время жители Ледовой базы должны оставаться в столовой, а их «боевая тройка» отправится на осмотр палаток и поиск похищенных вещей.

Генрих предложил взять с собой еще и Канева. Во-первых, логично начинать обыск с палатки трактористов. И уж лучше сразу получить от горе-воришки кольцо и кинжал, чем самим рыться в его пожитках. А во-вторых, бульдозериста в любом случае надо изолировать от разгоряченной толпы.

Старшей на камбузе оставили завпищеблоком Галину Семутенко, а для пущей гарантии еще и закрыли двери с внешней стороны на штатный навесной замок.

... В палатке трактористов царил беспорядок. Авральные подъемы по непогоде, ежедневное обслуживание дизельной техникой, да и сами привычки редко живших нормальным бытом мужчин, обусловили полный кавардак в их жилище.

Украденные перстень и кинжал Герман хранил в старом ящике ЗИПа. Обернутые в промасленную ветошь, они лежали под тяжелыми ключами, отвертками, гайками и болтами.

– Гера, – обратился к трактористу Федорчук. – Ты сделал первый шаг к тому, чтобы спасти свою задницу от тюряги и честь нашей команды от вечного позора. Но для полного счастья нам не хватает еще и ключа от контейнера. Где он?

– Клянусь, Александр Кузьмич, это – все, что я взял... Алекс побежал вас звать на помощь, а я смотрю, поблескивает что-то из рюкзака. Открыл – там кинжал этот треклятый. Ну, я и не сдержался... А потом еще и кольцо это. Глянул на него – блеснит, переливается и манит, манит...

– Где ранец Петерсона? – поинтересовался Агатин.

– Я его в кабине бульдозера под сидением спрятал.

– Зачем?

– Ну, чтобы, в случае чего, все подумали, что он свои манатки по дороге потерял...

– Ага, и вдобавок сам снял с руки любимое кольцо и вышвырнул в сугроб... Дурак, ты Гера, – снисходительно обругал своего подчиненного Федорчук. – Истинный Бог – дурак...

– Ладно уж, пошли к трактору – покажешь где все лежит, –

поторопил всех приободрившийся Агатин.

Помимо документов, наличности и нескольких пластиковых банковских карт, в походной сумке нашлось письмо главы датского парламента на имя руководителя Географического общества, а также записная книжка и переведенная на родной язык Пэра книга «Поход Седова». Ключа нигде не было.

От мимолетного воодушевления у старых и нового руководителей экспедиции не осталось и следа. Драгоценные кольца и кинжалы – это всего лишь красивые цацки, мелкая уголовщина. А вот за возможный несанкционированный доступ к содержимому окутанного пеленой тайны спецконтейнера, если такое произойдет, членов экспедиции будут таскать на дознания годами.

Рюкзак со всем его содержимым Генрих изъяс. Чуть позже, по итогам осмотра всех палаток и служебных помещений, к нему и личным вещам Петерсона добавились походный дневник экспедиции, журнал радиосеансов и телеграмм, а также записные книжки членов экспедиции.

В радиорубке «досмотрщиков» ожидала еще одна важная находка. Точнее, сообщение. Дежурный диспетчер норвежской спасательной службы прислал факс, в котором сообщалось, что в 23:13 он получил сигнал «SOS» со спутникового телефона Петерсона. Как говорилось в тексте, все попытки связаться с абонентом, чтобы уточнить ситуацию, успеха не имели. Норвежцы установили, что звонок был выполнен с

русской Ледовой базы и вышли на связь с научным руководителем экспедиции – Николаем Филипповым. Тот успокоил спасателей, что в лагере все в порядке, и те тревожный вызов обнулили.

«Значит в начале двенадцатого Пэр еще был жив. Жив, но не в состоянии говорить или писать текстовые сообщения. А это значит...» – докрутить мысль не дал Федорчук:

– Николай, что ж ты так?

– Да, кто же мог знать, Кузьмич, что это замерзающий Петерсон!? Весь лагерь от праздника гудел. Я и подумал, что этот «SOS» – чья-то пьяная шутка.

– Эхе–хе... Сколько же раз я зарекался водку в экспедицию не брать! – осекся Федорчук, попытавшись разделить вину своего давнего товарища.

Агатин внимательно посмотрел на прославленного полярника. На какое-то мгновение Генриху удалось перехватить ускользающий взгляд Филиппова и углядеть в нем скрытую тревогу. И, видно почувствовав, что его переживания могут вызвать ненужные подозрения, Николай Иванович пошел в наступление:

– Генрих Романович, давайте уже что-то решать... Я два часа назад должен был вылететь на Полюс. Даже если сейчас дать команду вертолетчикам на взлет, мы сможем подняться в воздух не раньше, чем через час. Поймите же, милейший, еще одного самостоятельного ночного перехода собаки Буткуса просто не выдержат. Я обязан доставить в Мо-

бильный лагерь еще две упряжки, питание и необходимое для исследований оборудование. Мужики, умоляю: дайте мне хоть что-то успеть сделать пока нас всех не эвакуировали... – неожиданно сменив тональность, Филиппов вопрошающе посмотрел на Агатина.

– Николай Иванович, не хочу вас расстраивать, но, скорее всего, вам придется остаться на Ледовой базе еще на какое-то время, – осадил ученого Гарри. – И давайте вернемся на камбуз, к нашим «узникам».

Подумав немного, сыщик добавил:

– Также, Николай Иванович, прошу вас подготовить объяснительную записку и подробно описать причину, по которой вы дали «отбой» норвежской экстренной службе...

Дело трактористов

К «узникам» камбуза Агатин, Федорчук, Филипов и Канев вернулись позже штатного времени обеда. Но до их возвращения к еде так никто и не притронулся. Галина Васильевна дважды предлагала заново разогреть суп и пшенку, однако все ее уговоры остались без внимания.

Распорядок дня Федорчук скорректировал сходу:

– Васильевна, а ну-ка подавай на стол! Перекипяти «первое», сосисок к кашке отвари и давай корми нашу банду.

Прием пищи прошел в тишине. Только Шторм, верный себе, попытался было развить шутку про «нашу банду», но встретив строгий взгляд начальника базы, сразу умолк.

По дороге на камбуз Агатин убедил Федорчука и Филипова в необходимости еще одного коллективного разговора с участниками экспедиции. Для того, чтобы расследование развивалось в правильном направлении, крайне важно было установить точную и, как можно максимально подробную, хронологию произошедших событий.

Как представлял себе Агатин, сделать это было возможно только совместно: так и фактов получится собрать больше, да и лукавить в присутствии потенциальных свидетелей труднее.

Как только перешли к «третьему» Федорчук сделал объ-

явление:

– Товарищи, после обеда никто далеко не расходится. Даю 15 минут на перекур и туалет, а потом все снова возвращаются на камбуз.

– Что еще наш «Малюта» придумал? – занервничал Корней Ходкевич. – С самого утра только и делаем, что на камбузе собираемся. Работы непочатый край! Имейте совесть, гражданин начальник!

– Вот выложишь все свои тайны оперуполномоченному, тогда отпущу тебя в твою камеру. Очередную бутылочку настойки уже высосал? – прозорливо уличил в известном грешке радиста Федорчук.

Третья с начала дня встреча членов экспедиции началась на камбузе ближе к пяти часам дня. Солировал, как и прежде, Агатин. Он коротко рассказал о результатах осмотра палаток, извинился за изъятые записные книжки – возможно в них скрыты какие-то косвенные улики – и огорошил полярников своим первым выводом:

– В истории с ограблением Петерсона кроме Германа, скорее всего, есть кто-то еще, – ответом на новую обвинительную реплику стала волна общего негодования. Даже Филиппов и Федорчук с недоумением посмотрели на Агатина.

– ... Попрошу тишины. По заключению нашего доктора, смерть наступила между одиннадцатью часами вечера и часом, максимум двумя часами ночи. Об этом же свидетельствует и факс от Экстренной службы. А, как утвержда-

ет Александр Кузьмич, в полночь трактористы уже были совершенно пьяны. До этого, с 20.00 и почти до полуночи, они вместе с фельдшером Деевым и штурманом Штормом праздновали на камбузе, а потом уже в своей палатке. По крайней мере, в 00.30 там всю эту кампашку видел Александр Кузьмич.

– Ну, и что? – вдруг возмутился Ходкевич. – Пили – до часу, а вышел Гера пописать в два! «Зов природы» – он кого хочешь среди ночи на ноги поставит... – по камбузу прокатился смех. – ... А «кем-то еще», кто ключ спер, мог быть его греческий напарничек, – обвинение радиста очередное оживление. – Нет, а что вы так возмущаетесь? Мне эти тайны датского двора и на хрен не нужны. А эта греко-русская парочка может и не трактористы вовсе, а иностранные шпионы...

– Корней, ну хоть ты с ума не сходи, а? Я смотрю ты ради опохмела родную мать продашь, – осадил радиста Игорь Шторм. – Вместе ж с ними пили. Ты же помнишь, мы их еле-еле до палатки дотащили. А когда мы с доктором в палатке еще одну «Белугу» «раздавили», так они реально были как «трупы», их самих до трусов можно было раздевать...

В роли второго адвоката трактористов выступил врач, который брезгливо зыркнув в сторону радиста, обратился ко всем:

– Нас Александр Кузьмич около часа ночи из палатки трактористов вытурил. Я как раз вспомнил: «Елки–палки!

Меня ж Иосиф Шалвович ждет!!!». Он за ужином жаловался на боль в ухе, и я пообещал перед сном его осмотреть. Но вы же помните, как все завертелось на ужине? «За – Арктику!», «За – покорение Полюса!», «За – первую мобильную экспедицию!» ...

– В палатке трактористов, помню, пили за героический тандем Ми-8 и ДТ-75, – продолжил под общий смешок Штурм.

– Сиди уже, ге-рой... Товарищи, я ответственно заявляю, что с часа до половины второго ночи Деев был у меня в палатке, – командир экипажа Ми-8 Шалва Чавадзе был в это утро предельно сосредоточен, даже чуть заикаться начал. – Я, когда увидел, что «док» пошел вра-знос, понял, что «скорой помощи» вечером не дождусь. Думал, сумею са-ам уснуть. Выпил для гарантии три рю-мки коньяку, и пошел в палатку. Но потом стало еще хуже – ди-икая боль!!! Без пятнадцати час не выдержал, поднялся, и пошел искать этого «э-скулапа». Только вышел – гляжу, а эту пьяную парочку гонит к палаткам Александр Кузьмич.

– Когда я в палатку зашел, Гера лыка не вязал. Грек вообще храпел между раскладушками... В таком коматозном состоянии они бы не то что до трактора, за угол палатки помочиться не смогли бы выйти, – решительно подтвердил алиби механиков Федорчук.

– У меня есть и другие доказательства невинности Фасулаки и Канева, – вернул себе слово уполномоченный

«опер». – Но пока я их озвучивать не буду... А зафиксировать я предлагаю следующие позиции. Первая – факт того, что Герман похитил личные вещи Петерсона, не означает, что он или его напарник Алексис Фисулаки причастны к трагической гибели датчанина. Исходя из этого, рождается вопрос: все-таки Петерсон погиб по своей вине или есть тот или те, кто «помог» ему не доехать до Ледового лагеря... Второй момент – ключ от спецконтейнера в вещах трактористов и других членов лагеря мы обнаружить не смогли. Отсюда еще одна дилемма: либо Пэр потерял его на маршруте «Ледова база – Мобильный лагерь», либо кто-то украл ключ и очень хорошо спрятал.

Аргументы Агатины подытожил Федорчук:

– Есть не согласные с такими выводами? Нет? Отлично! Тогда так и порешим: подозрения с этих охламонов мы с Генрихом Романовичем снимаем. Под нашу, так сказать, личную ответственность. А если чего забулдыги эти не рассказали нам, если что-то скрывают, так никуды они от нас все равно не денутся. Я вас из-подо льда достану! – грозно зыркнул на Алексиса и Германа Федорчук. – «Льдину» же, товарищи, к прилету самолета готовить надо. У нас итак всего один трактор на ходу. Рассиживаться по теплым палаткам некогда. Галина Васильевна, выдай, пожалуйста, нашим реабилитированным пахарям сухпай и пусть начинают работу. Чуть позже я вам еще помощников пришлю, – обнадежил трактористов Федорчук, волевым командирским решением

закрывая их недолгое «дело».

Праздник час за часом

После того, как ошастливленны бульдозеристы ушли готовить к чистке полосы свой ДТ-75, Генрих Агатин продолжил беседу с оставшимися в столовой полярниками:

– ... Итак, вернемся непосредственно к обстоятельствам гибели Пэра Петерсона. Давайте подведем первые итоги наших встреч и попробуем вместе восстановить хронологию прошедшего вечера. Вечера и трагической ночи... Значит вчера, 17 марта в 20 часов мы все собрались на камбузе, чтобы отпраздновать момент пересечения 90-го градуса северной широты. Практически весь личный состав базы, а также его гости, находились в этот момент на глазах друг у друга, за накрытым столом. Как следует из ваших показаний, последними в столовую пришли радист Корней Ходкевич, начальник Ледовой базы Александр Кузьмич Федорчук и руководитель научной части экспедиции Николай Иванович Филиппов. Вне камбуза находились только сам Пэр Петерсон и передовая партия Мобильного лагеря – Ольгерд Буткус и Родион Пожарский. Все верно?

– Так все и было. И мы бы раньше подоспели. Но по пути к камбузу нас Корней перехватил. Говорит, Ольгерд радирует, что не может идти к Полюсу: у него, мол, собаки тяги в упряжках погрызли. На часы смотрю – «19.20»: меньше двух

часов до времени старта, – вспомнил Филиппов.

– Ну, мы сразу назад в радиорубку. Николай Иванович выдрал Буткуса за срыв предстоящего перехода, а тот и ему и говорит: мол, не все потеряно. Если снарядить к ним на резервной упряжке кого-то из членов экспедиции, то новые тяги будут у него через каких-то полчаса, – подтвердил Ходкевич.

– Ну, а выбор кандидатов-то, собственно, и не велик был: сносно управлять собаками на незнакомом маршруте можем мы с Николаем Ивановичем, Шурка Кривонос да сам Петерсон, – уточнил расклад Федорчук. – Иваныч с гидробиологом плотно занимались приготовлениями к перелету на Полюс. Мне, как руководителю экспедиции, без особой необходимости базу оставлять запрещено. Вот и оставался Петерсон и его свежие гренландсхунды.

– Мы тогда побежали в палатку Петерсона и начали уговаривать его съездить к Ольгерду, – объяснил Филиппов.

– Не сразу согласился датчанин. Пока я ему пол-ящика «Белуги» не пообещал, ни в какую ехать не хотел, – не преминул указать на природный грешок усопшего Федорчук.

– Ох уж эти любители русской водочки, – вздохнул Агатин. – Ладно, пойдем дальше... Как видим, в 20.00 – плюс-минут пять минут – все мы находились в столовой. Где-то за полчаса до этого, Пэр Петерсон снарядил свою упряжку и выехал в Мобильный лагерь. Еще через час, в 21.00, стажер-радист Мобильного лагеря Родион Пожарский сообщил

по «Иридиуму», что обе упряжки «перешнурованы», лагерь свернут и они с Ольгердом выдвигаются к Полюсу. Так? – Агатин перевел взгляд на Ходкевича.

– Точно. Я только собрался с Николаем Ивановичем в радиорубку идти, а тут Родя по «спутниковому» ему звонит, – вспомнил Корней. – Ну, Иваныч уже и на Родю сорвался: «Почему не по штатной радиостанции? Зачем батарею садишь, гаденыш?! Зачем такие деньжищи тратишь?». Видно, забыл, что КВ-радиостанцию они свернули вместе с лагерем ...

– Родион о Петерсоне что-то сказал? – уточнил у радиста Гарри.

– Да тот сам трубку у Родиона видно перехватил и кричит Филиппову: «Коль–я, айм гоин бэк. Готов «Белугу!».

– В котором часу это было? – еще раз переспросил Ходкевича Гарри.

– В начале десятого вечера. Как раз программа «Время» началась. Ты же сам всех просил успокоиться, новости хотел послушать... – в беседу включился Шторм.

– Игорь! Я в отличие от тебя все хорошо помню. Но хочу еще раз вместе со всеми – публично! – зафиксировать контрольные временные точки вчерашнего вечера, – впервые за весь день сорвался уже сам Агатин. – Так... Двигаемся дальше, друзья... В 21.20 – 21.30 Пэр выезжает к нам и приблизительно в это же время начинают расходиться первые участники вечера.

– Да. Мы с девочками ушли где-то в половине десятого, – подтвердила Инга, дочь Ольгерда Буткуса – одна из трех парашютисток, прибывших на Полюс для рекордного затяжного прыжка.

– Ага, а минут через пять вслед за ними ушли водолазки и наша «вторая эскадрилья. Ходоки, хреновы, – сально съязвил Шторм.

– Успокойся, Игорь! Я вместе с ребятами у-ходил. Мы вместе дошли до нашей па-латки. Девчата пошли к себе, а мы со вторым экипажем и глубоководниками – в нашу мега-халабуду, – попытался успокоить подчиненного Иосиф Чавадзе.

... Штатная жилая площадь Ледового лагеря состояла всего из трех палаток.

Самая большая, которую полярники сразу окрестили «холостяцкой халабудой», была отведена мужчинам. Правда, практически сразу из нее съехали на радость себе и оставшимся: трактористы – в техническую палатку; врач Деев – в свой походный медпункт; Федорчук с Филипповым – в «штабную палатку»; там же, в выгородке под радиорубку большую часть суток проводил радист Ходкевич. То есть фактически в «общежитии» постоянно проживало только 12 человек – гидробиолог, оба экипажа вертолетчиков (по паре пилотов, штурманов и бортмехаников), трое глубоководников, японский геофизик и сам Агатин.

В палатке чуть поменьше расселили трех парашютисток,

завпищешблоком и молодую спутницу Гарри. А в самом маленьком и «комфортабельном» домике единолично проживал покойный Петерсон. На это имел он полное право, так как это жилище закупалось и доставлялось на Полюс на его личные средства.

Одним словом, все жилыцы практически постоянно находились на виду друг у друга и пошлые намеки штурмана на то, что его коллеги в первые дни экспедиции закрутили роман с парашютистками не имели оснований.

– ... Так. За вертолетчиками ушли мы с Алей... То есть в 22.00 в столовой оставалось 9 человек. Остальные, включая самого Пэра, были вне ее стен?.. Галина Васильевна, вы, когда последних гуляк проводили?

– Как Александр Кузьмич велели: в полночь трактористов и выставила, – доложила шеф-повар Галина Семутенко.

– А с трактористами кто кутил: доктор, радист и штурман?

– Ну, да. Впятером пили, «пятеркой» и на лед ушли, – не стесняясь вложила пьянчужек новому «боссу» повариха.

– Я сразу в рубку пошел, – тут же открестился от опасных собутыльников Ходкевич.

– А перед этими «хоккеистами» кто уходил? – продолжил дознание Генрих.

– Перед ними Петренко и «Мураками» этот или как его? Ну, в общем японец этот ученый. После – Александр Кузьмич. Он тогда и сказал этим гулякам: мол, еще полчаса и всем в «люлю»!

– Вы подтверждаете, Александр Кузьмич? Все так и было?

– Абсолютно. Где-то одиннадцать и было тогда на часах...

– Вы в свою палатку пошли?

– Нет. Я ненадолго зашел в общую палатку к Иосифу, спросил, как он себя чувствует. Потом к девочатам заглянул. Парашютистки уже спать укладывались, а твоей Алевтины еще не было, кстати... Затем – в радиорубку: посмотрел нет ли каких телеграмм или факсов. От Ходкевича, как понимаешь, в тот вечер пользы ожидать было нечего: по прибытии на свой круглосуточный пост их «радиовеличество» дали храпака...

– Вы б лучше проверили, где Петерсон бродит, – вдруг снова не сдержался Гарри.

– Да, я думал он уже давно «Белугу» трескает у себя в палатке!!! – попытался оправдаться Федорчук.

– Да, уж... Человек один уезжает из лагеря, отсутствует полночи, и все думают, что он просто решил попить на халяву русской водочки! Вот она наша национальная парадигма во всей своей радужной красе!

Успокоившись, Гарри обратился к Филиппову:

– А вы, Николай Иванович, почему Пэра не хватились? Вы же его лично к Буткусу отправили?

– Виноват, товарищи. Я же к отлету готовился. Одно проверил, другое... Постоянно между штабной палаткой и складами мотался с Кривоносом. Честно сказать, я решил, что его кто-то у камбуза перехватил и, признаюсь, даже обрадо-

вался такой мысли...

– И даже звонок норвежский спасателей вас не насторожил? Как же так!?! – Гарри окончательно поддался эмоциям.

– Виноват я. Виноват... Говорю же: подумал эти алкаши вместе с Петерсоном дурачатся и значения звонку не придал...

Покаянная реплика прославленного полярника окончательно повергла собравшихся в состояние всеобщего уныния и безысходности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.